

УДК 811.111'01:316.286

РИТУАЛЬНАЯ ДИНАМИКА АНГЛОСАКСОНСКОГО ВЛАСТНОГО ДИСКУРСА

Астафурова Т.Н., Олянич А.В.

Постановка проблемы. Воздействие на массы напрямую связано с событийностью предписывающего характера, т.е. ритуалами, приуроченными к определенным важным событиям в жизни социума: парад – к празднику, подъем флага – к функционально целесообразному построению, приветствие – к встрече людей и т.д. Ритуалы не только предписывают некую процедуру, порядок и содержание действий в определенной ситуации, внутри события, но и воздействуют на массовое сознание, поскольку целью ритуала является принудительное освобождение участников от собственных решений, собственного творчества. Тем самым внушается осознание важности происходящего, его надындивидуальной значимости. Особенно ярко эта задача просматривается в ритуалах демонстрации власти.

Ритуальная динамика англосаксонского властного дискурса представлена в *этапах ритуализации властного события*:

1) топологической обусловленности, 2) уточнении границ и семиотики властного ритуала, 3) регламентации хроно-, топо- и звукосемиотических компонентов ритуального процесса, 4) вербализации ритуального события, 5) драматизации ритуального события, 6) введении новых элементов ритуала, значимых для власти.

Специфика англосаксонского властного дискурса также выражается в театрализации ритуального события, которая манипулятивно высвечивает «рекламируемые» характеристики монарха (величие статуса и королевское достоинство в сочетании с простотой общения), затушевывает амбивалентные или негативные действия властной персоны, популяризирует государственную деятельность власти в целом.

Ритуал презентует ту сторону вещей, действий, явлений, которые в обыденной жизни затемнены, не видны, но на самом деле определяют их истинную суть и назначение. Иными словами, мы имеем дело с воздействующей функцией лингвосемиотического пространства власти, направленной на дальнейшую формализацию и динамику властного ритуала, поскольку «его состояния меняются постоянно, а стало быть, меняются и значения одних и тех же его сегментов, которые зависят от момента времени» [4, с.130]. Власть как бы «обживается» в пространстве события и формализует его в соответствии с манипулятивными этапами.

На первом этапе к событию прикрепляется место его протекания, событие становится топологически обусловленным. Так, главным властным ритуалом является коронация, которая традиционно проводится в Вестминстерском Аббатстве (*a Coronation Church*). Горас Уолпол в письме сэру Горасу Манну размышляет о ритуале коронации следующим образом: «*What is the first sight in the world? A coronation. What do*

people talk most about? A coronation. What is delightful to have passed? A coronation». В самом деле, коронация – это, по выражению Эдварда Карпентера, архидьякона Вестминстерского аббатства, древнейший ритуал, который использовался для подтверждения легитимности выбора монарха народом, его самопожертвования и освящения Богом его правления (*«indeed was the ancient ritual which was used in its inclusion of election, confirmation of the people's choice, self-dedication and consecration...»*) [5, с. 31]. Начало коронации как ритуалу было положено в 973 г. королем Эдгаром в соборе города Бат (*«to establish his throne not only on the right of conquest or papal benediction, but on the support of the sacred hallowing which coronation would give him»*).

На втором этапе определяются границы протекания события, за которым закрепляются определенные символы и знаки, придающие пышность триумфальным церемониям введения во власть (коронация, инициация, инаугурация): символы власти, обилие золотых украшений, оружия, красивых и дорогих одеяний, колесниц, украшенных цветами коней, информирующее общество о могуществе и богатстве монарха, его таланте воина и государственного деятеля. Так, придворный историк Тюдоров Эдвард Холл описывает торжественное убранство придворных, принявших участие в коронации Генриха VIII и Екатерины Арагонской:

«The knights presented themselves before the king all on horseback and armed from head to foot they each had one side of their armor-skirts and horse-trappings made of white velvet embroidered with gold roses and other devices, and the other made of green velvet embroidered with gold pomegranates. On their headpieces each wore a plume of gold damask. At the same time the other side rode in, the aforementioned knights fully armed and dressed, like their mounts, in green satin embroidered with fine golden bramble branches. Following them, blowing horns, came a number of men dressed as foresters or gamekeepers in green cloth, with caps and hose to match».

На третьем этапе регламентируется сам ход события, определяется репертуар действий, составляющих событие или сопровождающих его; вводятся правила развития события и налагаются процессуальные ограничения; определяется ролевая структура события – его участники и их роли.

Так, регламент коронации Генриха VIII и Екатерины Арагонской (1509) придавал особое значение хроносемиотическому компоненту ритуала (*Sunday* как религиозно значимый день для англосаксонской паствы; *Midsummer's Day* как священный праздник летнего солнцестояния, связанный с древними ритуалами и особо почитаемый англосаксами). Начало церемонии было строго фиксированным (*at the appointed hour*); в соответствии с правилами ритуала в коронации принимали участие придворные по праву, закрепленному за ними указами, историческими прецедентами и особыми привилегиями (*the barons of the Cinq Ports*); высшее духовенство (*archbishop of Canterbury, prelates of the realm*); знать и наиболее уважаемые горожане (*the nobility and a large number of civic dignitaries*), которым отводились определенные места в соответствии с их статусом (*«Each noble and lord proceeded to his allotted place arranged earlier according to seniority»*).

Такие важные элементы ритуала, как помазание на трон и коронование, производились высшим иерархом англиканской церкви – архиепископом Кентерберийским и высшим духовенством (*«His grace and the queen were anointed and crowned by the archbishop of Canterbury in the presence of other prelates of the realm»*).

Ритуал коронации предусматривал также застольную часть, семиотика которой обильно маркирована знаками иерархической структуры власти («*the lords spiritual and temporal paid homage to the king and, with the queen's permission, returned to Westminster Hall – each one beneath his canopy – where the lord marshal bearing his staff of office ushered all to their seats*»).

Топосемиотический компонент ритуала коронации проявлялся:

– в строгой фиксации расположения его участников за столом во время церемониальной трапезы: «*The nine-piece table being set with the king's estate seated on the right and the queen's estate on the left*»;

– в нарочитых декоративности и величине пространства, в рамках которого протекала трапеза; эти топосемиотические компоненты подчеркивали величие и могущество власти совершена («*At the sound the duke of Buckingham entered riding a huge charger covered with richly embroidered trappings, together with the lord steward mounted on a horse decked with cloth of gold. The two of them led in the banquet which was truly sumptuous, and as well as a great number of delicacies also included unusual heraldic devices and mottoes*»).

Звукосемиотический компонент ритуала подчеркивал торжественную тональность властного действия и маркировал последовательность его этапов. Так, коронация сопровождалась хоровым пением церковных молитв и гимнов, подача каждого блюда во время пышного пиршества оглашалась звуками фанфар («*the first course of the banquet was announced with a fanfare*»). По особому звуковому сигналу сменялись ритуальные действия («*At the sound the duke of Buckingham entered riding a huge charger covered with richly embroidered trappings, together with the lord steward mounted on a horse decked with cloth of gold*»), народ извещали о вступлении монарха на трон («*There was a firing of guns and chamber music between 4 and 5 o'clock; by 6 o'clock began the proclamation of the Queen, with two heralds and a trumpet blowing, and so went through Cheapside to Fleet Street, proclaiming the Queen*»).

На четвертом этапе происходит вербализация ритуального события, уточняется его лингвистическая составляющая, устанавливается зависимость успешности реализации события от его лингвистического обеспечения («что и как необходимо сказать, чтобы событие успешно протекало и успешно завершилось»). Считается, что в ритуальной коммуникации над вербальными знаками доминируют знаки невербальные. Как утверждает Г.Г. Почепцов, «...ритуал реализует обратное соотношение: удлинение невербального компонента за счет сокращения вербального» [3, с.15]. В то же время, будучи усеченным, вербальный компонент оказывается центральным элементом процедуры коронации, предусмотренным ее правилами. Так, клятва Елизаветы I заботиться о своих подданных и о процветании королевства немногословна, однако она концентрированно передает весь смысл ритуала – использовать дарованную Богом верховную власть на благо подданных и всего королевства: «*And whereas your request is that I should continue your good lady and be Queen, be ye ensured that I will be as good unto you as ever Queen was unto her people. No will in me can lack, neither do I trust shall there lack any power. And persuade yourselves that for the safety and quietness of you all I will not spare if need be to spend my blood. God thank you all*».

Клятва подданных на верность монарху формулировалась в процедуре ритуала коронации как ответ на вопрос о признании монарха (*'The Recognition Question'*: «*Will*

you take this most noble prince as your king and obey him with great reverence, love and willingness?» and Reply to the Recognition Question: 'Yea, Yea!').

В вербальной части коронационного ритуала не допускались никакие отклонения, в том числе и процедурного характера – во время чтения канонических библейских текстов, сопровождающего коронацию властных персон. Так, свидетель коронации королевы Анны лорд Мельбурн вспоминал, что, когда епископ Бага и церковный служитель Уэллс намеренно пропустили две страницы библейского текста как обязательного вербального компонента коронации, чтобы ускорить затянувшуюся церемонию, и ушли в часовню Святого Эдуарда, королева Анна, обнаружив ошибку, заставила их вернуться и закончить церемонию в соответствии с канонами: «*The Bishop of Bath and Wells turned over two pages and told the Queen that it was all over and they duly retired to St Edward's Chapel, the Queen on finding out the mistake insisted on proper finishing the service, although I remarked, 'What does it signify?'*» [5, с. 29].

Вербальной характеристикой коронационной речи монарха является властная директивность, маркерами которой выступают дискурсивные элементы *desire, demand, that you will be faithful to, to be assistant to, make a good account to, to govern for the greatest wealth, to leave comfort to our posterity on earth etc.*:

«I shall desire you all, my lords, (chiefly you of the nobility, everyone in his degree and power) to be assistant to me that I, with my ruling, and you with your service, may make a good account to Almighty God and leave comfort to our posterity on earth» (Reputedly spoken by Elizabeth I at her coronation).

Во время принятия присяги у подданных монарх использует директивные конструкции как инструмент облечения их своим доверием и расположением:

«This judgement I have of you, that you will not be corrupted by any manner of gifts, and that you will be faithful to the State; and that without respect of any private will, you will give me the counsel you think best» (Elizabeth to William Cecil on making him Secretary of State at her accession).

Богоизбранность монарха подчеркнута использованием в речи уничижительных как языковых знаков смиренности и покорности Божьей воле: (1) *«Christ was the word that spake it. He took the bread and break it; And what his words did make it That I believe and take it» (Reputedly spoken by Elizabeth I); (2) «This is the Lord's doing and it is marvellous in our eyes».*

Уже во время коронации монарх дает понять, что в его руках сконцентрирована власть повелевать и наказывать, поэтому среди вербальных знаков коронации обнаруживаются дискурсивные элементы угрозы: *«Let this my discipline stand you in good stead of sorer strokes, never to tempt too far a Prince's patience»;* *«Those who touch the sceptres of princes deserve no pity».* Абсолютный характер подчинения монарху просматривается в ритуале присяги на верность, которую в первую очередь приносит глава Тайного Совета соверена (*Privy Councillor*). Так, клятвенная присяга лорда Бергли, канцлера Елизаветы I, данной королеве в 1570 г., характеризуется ритуальным форматом, обеспечиваемым директивностью:

- модальности (*«you shall / shall not; if any treaties or councils shall»*),
- дискурсивных формул (*«you shall swear, you shall keep secret, you shall not reveal, you shall not let, you shall bear faith and true allegiance, you shall assist and defend, you shall do as a faithful and true councillor» etc.*),

– атрибутивных характеристик высшей степени лояльности (*to the utmost, uttermost, at all times, in all things, true, faithful, affection*).

И, наконец, последней отмеченной нами особенностью вербального компонента ритуального дискурса оказывается его вторичный/рефлективный характер, поскольку смысл и коммуникативные задачи властных ритуалов отражаются в вербалике их наблюдателей («*The account at right was written by the Tudor chronicler Edward Hall*»), реминисценциях и мемуарах участников и свидетелей («*How can I describe the abundance of fine and delicate fare prepared for this magnificent and lordly feast, produced both abroad and in the many and various parts of this realm to which God has granted his bounty*»).

На пятом этапе событию придается статус зрелища: для того, чтобы воздействовать на эмоции социума, оно должно стать визуально выразительным и эмотивно заряженным. Событие драматизируется и приобретает презентационные характеристики – театрализуется – для максимального воздействия на социум [2].

Ритуальная коммуникация часто характеризуется театральностью. Под ее влиянием проходят не только культурные, но и ритуальные мероприятия власти. Так, король Генрих III во время реконструкции норманнского аббатства заставил архитекторов построить в нем театральные подмостки, на которых должна была проходить коронация [5].

В обществе всегда были определенные утрированно-перформансные коммуникационные роли. Мы называем их таковыми, поскольку для их выполнения требовалось определенное «отклоняющееся поведение». Это роли юродивого и шута. Юродивый не наказывался за свое поведение, так как считалось, что через него говорит Бог. Поэтому юродивые имели возможность говорить властителям нелицеприятную правду. Такую же функцию выполняла перформансная роль шута, которая позволяла увещевать короля и давать ему советы. Часто королевские особы больше доверяли своим шутам, чем прочим придворным.

Такой важный в государственном отношении ритуал, как коронация властных персон, неминуемо подвергался режиссуре и театрализации. Как отмечают свидетели коронации Елизаветы I, праздничные представления начались за день до церемонии коронации и разыгрывались в разных частях Лондона. Каждое представление (*spectacle, pageant*) было тщательно продумано, инсценировано и имело свой символический смысл. Оно разыгрывалось перед жителями столицы для того, чтобы разъяснить им суть будущего правления королевы.

Первое представление напоминало народу о ее английском происхождении в противовес испанским корням Марии и ее супруга короля Филиппа, а также о ее близком родстве с Генрихом VII, который положил конец тридцатилетней Гражданской войне. Актеры давали понять публике, что внучка того, кто остановил Войну Роз, объединит Англию и дарует ей мир («*The first pageant laid out Elizabeth's genealogy, stressing her 'Englishness' (as opposed to the 'Spanishness' of Mary, who was half Spanish, and Philip, who was Spanish), and her descent from Henry VII and Elizabeth of York, whose marriage had put an end to years of civil war. The pageant made clear the implication that the granddaughter of those who ended the War of Roses would herself reunify England and bring peace to it*»).

Второе представление ассоциировало будущее правление Елизаветы с четырьмя добродетелями – истинной верой, любовью к подданным, мудростью и справедливостью, которые побеждали зло, воплощенное в предрассудках и невежестве

(«The second pageant showed Elizabeth's government characterized by the four virtues of True Religion, Love of Subjects, Wisdom and Justice trampling their opposite vices, including Superstition and Ignorance»).

Во время третьего представления Лорд-мэр вручил Елизавете предмет, сделанный из золота, символически демонстрирующий единение столицы и короны (*«During the third pageant the Lord Mayor presented Elizabeth with a gift of gold, symbolically demonstrating the interdependence of the City and the Crown»*).

В четвертом спектакле процветающее королевство (Елизаветы) противопоставлялось разлагающемуся (Марии). Главным действующим лицом выступала Правда, которая преподносила королеве Библию с надписью на английском языке «Слово Правды». Королева, принимая дар, целовала Библию и прикладывала ее к груди под громкие приветственные возгласы толпы (*«In the fourth pageant, a decaying commonwealth (Mary's) was contrasted with a thriving one (Elizabeth's). It featured the figure of Truth, who was carrying a Bible written in English and entitled the Word of Truth. Truth presented the Bible to the Queen, who kissed it and laid it on her breast to the cheers of the crowd»*).

В пятом представлении предсказывалось долгое и благополучное правление Елизаветы: она изображалась в облике ветхозаветной Деборы-прорицательницы, спасшей Дом Израилев и правившей затем сорок лет (*«The task ahead of her was presented in the final pageant, with Elizabeth portrayed as Deborah, the Old Testament prophet, who rescued the House of Israel and then went on to rule for 40 years»*).

Презентационная эффективность этих театрализованных представлений была огромной: комбинация знаков, вовлеченных в театральное действие, удачно высвечивала такие характеристики Елизаветы, как величие ее статуса и королевское достоинство в сочетании с простотой общения, и это нашло отклик в сердцах горожан, полюбивших ее (*«Elizabeth excelled in the starring role in such spectacles, managing gracefully to combine the dignity and grandeur of her position with a common touch that allowed the public to warm to her. The procession was basically a popularity contest and it was a resounding public relations success for the new queen»*). Таким образом, именно благодаря театрализации, народ признал своего монарха еще за день до коронации (*«She emerged from the ceremony to greet her adoring fans wearing a big smile, her crown and carrying the orb and sceptre of her new office»*).

Наконец, на *шестом этапе* с течением времени событие освобождается от ряда своих компонентов, которые оказались малосущественными в смысле воздействия, и повторяется уже в измененном виде, т.е. в совокупности тех компонентов, которые выдержали проверку временем, с новыми элементами, получившими максимальный социальнозначимый эмотивный потенциал [1].

Изменения в англосаксонских властных ритуалах носят как сугубо семиотический, так и лингвосемиотический характер. Первым sovereignом, который переаранжировал семиотическое пространство ритуала коронации, существовавшее до него, был Эдвард I: он вывез из Шотландии Скунский камень, который служил тронном для шотландских королей, сделав его основанием для трона в Вестминстерском аббатстве.

Семиотические изменения в ритуал коронации были внесены голландским принцем Вильгельмом Оранским (1688г.), который отказался участвовать в коронации в роли супруга, сопровождающего королеву, и потребовал быть коронованным вместе с женой – королевой Марией, дочерью Джеймса II. Для него был сделан второй коронационный

трон, и оба они короновались вместе как равностатусные монархи; на монетах, отчеканенных во времена их правления, изображен их двойной барельеф.

Еще один – лингвосемиотический – способ переаранжировки ритуала коронации связан с постепенной заменой языка самого ритуала с латинского на английский. Коронация Вильгельма Завоевателя проводилась в Рождество 1066 г. на английском и французском языках. Позже церковным языком коронации стала латынь, и только Елизавета I, которая, являясь убежденной сторонницей компромиссных государственных решений («*The ritual itself was a clever compromise between the Catholic practices that existed and the Protestant ones that she intended to introduce*») и для которой было важно постепенно вытеснить католическую веру верой протестантской («*The changes in the service were a portent of the religious settlement to come and symbolic of her 'make-haste-slowly' approach to introducing change*»), настояла на ведении коронации на двух языках – латыни и английском: «*She was crowned in Latin by a Catholic bishop but parts of the service that followed were read twice – in Latin and English*». Впоследствии латынь была полностью вытеснена из ритуала коронаций и заменена государственным языком Великобритании – английским.

Выводы. Таким образом, внутри ритуального пространства англосаксонской власти в ходе истории властной коммуникации сформировалась обширная и жестко фиксированная лингвосемиотическая система воздействия, реализующая функцию визуальной презентации конвенционального согласия на взаимодействие между sovereignом и его подданными, поддержанную языковыми знаками соответствующей ритуальной природы.

Список литературы

1. Метелица Е.В. Дискурс дипломатического протокола в англоязычной ритуальной коммуникации: АКД. – Волгоград, 2003.
2. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507с.
3. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук, 2001.
4. Чертов Л.Ф. Ритуал как форма семиотизации пространства // Ритуальное пространство культуры. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2001. – С. 56-61.
5. Carpenter, D. The Westminster Abbey. – L.: Harper, 1998.
6. Henry VIII's Speech before Parliament, 1545 // www.primarysources.com
7. Queen Elizabeth's Quotes // www.elizabethregina.uk
8. Act of Supremacy (1534), The Oath of Supremacy, 2nd Act of Supremacy (1559), Act of Parliament (1536), Elizabeth's Act of Uniformity (1559), The Thirty Nine Articles, Thirty Nine Articles // www.wikipedia.com
9. The Concise Oxford Dictionary of the English Language. – OUP, 2003 (COD).
10. Collins Cobuild English Dictionary. – L.: Collins Pbl., 2000 (CCED).
11. The Oxford Concise Dictionary of Proverbs. – Oxford: OUP, 1996 (OCDP).
12. The Longman Dictionary of English Idioms. L.: Longman, 1997 (LDEI).
13. The Microsoft Bookshelf Encyclopedia on CD-ROM, 1998.

Поступила в редакцию 06.04.2006 г.